

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

МОСКВА — ПАРИЖ

2•92

72

ПИСЬМА ФЕДОРА СОЛОГУБА В СОВНАРКОМ, В.И.ЛЕНИНУ И А.В.ЛУНАЧАРСКОМУ

“Я ВСЕ ЕЩЕ ВЕРЮ...”

“Не завидуйте, Анастасия Николаевна, — говорил Федор Сологуб жене, придя в гости к Мережковским, на столе у которых лежал кусок иглистого от соломы хлеба. — Не надо завидовать. И у нас вчера был хлеб”. Сын кухарки и портного, за четверть века напряженного учительского и писательского труда достигший некоторого материального благополучия, в 1917 году он лишился всего. Российского писателя с мировым именем выгнали из квартиры, отобрав все, даже книги. Вместе с женой, писательницей Анастасией Николаевной Чеботаревской, Сологуб ютился в каком-то “навильоне” на Васильевском острове, где зимой за ночь пол покрывался ледяной коркой. Но не нужда и голод заставили его обратиться к сильным мира сего. “Умертвили Россию мою, схоронили в могиле Немой!” — писал он в 1918 году. Сологуб задыхался в стране, где, по его словам, торжествовали “вчеловеченные Звери”.

История с разрешением на выезд подробно описана Владиславом Ходасевичем в очерке “Сологуб”, вошедшем в книгу “Некрополь”, и нет необходимости подробно останавливаться на ней. В 1921 году Сологубы радостно писали друзьям в Париж, что их выпускают. Но в последний момент им отказали. Затем новые обещания — и вновь разочарование. И все же разрешение было получено, но по роковому стечению обстоятельств, ставшему в эти годы закономерностью, — слишком поздно. Измученная бесконечным ожиданием и неопределенностью, Анастасия Николаевна Чеботаревская покончила с собой, бросившись с Тучкова моста в черную, замерзающую воду Невы.

После смерти жены Сологуб уже не мог и не хотел уезжать из страны. Его почти не печатали, а с 1923 года перестали печатать вовсе, но он вопреки всему по-прежнему много и напряженно работал, преодолевая поэзией и смерть, и жизнь. Федор Кузьмич Сологуб умер в России 5 декабря 1927 года.

Публикация подготовлена по подлинникам писем Федора Сологуба, хранящимся в фондах Совнаркома и Госиздата в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Федор Федоров

*В Совет Народных Комиссаров
писателя Федора Сологуба прошение*

Доведенный условиями переживаемого момента и невыносимую современностью до последней степени болезненности и бедственности, убедительно прошу Совет Народных Комиссаров дать мне и жене моей, писательнице Анастасии Николаевне Чеботаревской (Сологуб), разрешение при первой же возможности выехать за границу для лечения. Два года мы выжидали той или иной возможности работать в родной стране, которой я послужил работою народным учителем в течение 25 лет и написанием свыше 30 томов сочинений, где самый ярый противник мой не найдет ни одной строки против свободы или народа. В течение последних лет я подвергся ряду грубых, незаслуженных и оскорбительных притеснений, как например: выселение как из городской квартиры, так и с дачи, арендуемой мною под Костромой, где я и лето проводил за работою; лишение меня 65-рублевой учительской пенсии; конфискование моих трудовых взносов по страховке на дожитие и т.п., хотя мой возраст и положение дают мне право, даже в условиях необычайных, на работу в моей области и на человеческое существование. Мне 56 лет, я совершенно болен, от истощения (последние два года, кроме четверти фунта хлеба и советского супа, мы ничего не получали) у меня по всему телу экзема, работать я не могу от слабости и холода. Все это, в связи с общеполитическими и специфическими монопольными условиями, в которых очутились русская литература и искусство, условиями, в высшей степени тягостными для независимого и самостоятельного творчества,¹ заставляет меня просить Совет Народных Комиссаров войти в рассмотрение моей просьбы и разрешить мне с женой выезд для лечения за границу, тем более, что там есть издатели, желающие печатать мои сочинения. Если тяжело чувствовать себя лишним в чужой стороне, то во много раз тягостнее человеку, для которого жизнь была и остается одним сплошным трудовым днем, чувствовать себя лишним у себя дома, в стране, милее которой для него нет ничего в целом мире. И это горькое сознание своей ненужности на родине подвинуло меня после долгих и мучительных размышлений на решение временно оставить Россию, решение, еще полгода тому назад казавшееся мне невозможным.

Позволю себе напомнить, что подобные разрешения на выезд за границу были уже выданы профессору Ф.Ф.Зелинскому,² Ф.Ф.Комиссаржевскому³ и другим.

Прошу верить серьезности мотивов этой просьбы, приносимой мною только после долгих колебаний.

10 декабря 1919 года.

Федор Сологуб.

Адрес:

Петроград, В/асильевский/ о/стров/, 10 линия, 5, кв.1.

Фонд 130 — СНК. Оп.3. Д.382. Л.226 — 227.

¹ Фраза подчеркнута чиновником Совнаркома.

² Зелинский Фаддей Францевич (1859 — 1944) — филолог, исследователь и популяризатор античной культуры, профессор Петербургского университета. Эмигрировал в Польшу.

³ Комиссаржевский Федор Федорович (1882 — 1954) — режиссер и теоретик театра. В эмиграции с 1918 года.

Петроград, В.О., 10 линия, 5, кв.1.

26 февраля 1920 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Решаюсь обратиться к Вам, не будучи знаком с Вами лично, так как на обращения мои к тов. Луначарскому и Троцкому, беседовавшим со мною без всякой неохоты при других обстоятельствах, не последовало никакого ответа. Между тем я добиваюсь очень простого — разрешения мне и моей жене, Ан.Н.Чеботаревской, выехать из пределов Советской России для лечения и устройства моих литературных дел. В письме на имя Совета Народных Комиссаров, посланном в декабре, я подробно изложил мотивы, заставляющие меня временно покинуть страну, к которой я бесконечно привязан, но пребывание в которой в настоящее время для меня крайне мучительно. Здоровье мое, вследствие невероятного питания и отсутствия возможности лечиться (даже некоторые лекарства выдаются только коммунистам), пришло в полный упадок, а длительное истощение лишило меня обычной трудоспособности. У меня отнята учительская пенсия за 25 лет службы, страховка на дожитие, которую я

должен был получить в этом году, словом, уничтожены все условия для существования, достойного моего возраста и положения. Сейчас я живу переводами и распродажей вещей, но согласитесь, что перевести два печатных листа за один фунт масла или сахара (по нормам вольного рынка) человеку в 57 лет довольно трудно. С другой стороны, я не хочу как вор бежать из моей родины, не хочу эмигрировать и порывать связи со страной, дорожке которой нет для меня ничего на свете, — я все еще верю, что при несколько иных условиях я могу быть полезен ей и снова работать для нее. Я хочу лишь уехать временно, на несколько месяцев, исключительно для лечения и для продажи заграничным издателям права на переводы моих романов, а также и для того, чтобы пожить некоторое время в человеческих условиях, — ведь здесь два года мы не видим ни мяса, ни белого хлеба, и я за все это время не мог купить себе калош. Поэтому в последний раз обращаюсь к Вам с горячею просьбою, — окажите содействие мне в получении разрешения выехать за границу, хотя бы в Эстляндию.

С истинным уважением
Федор Сологуб¹

Ф.130. Оп.4. Д.244. Л.482.

¹ Так же, как и прошение в Совнарком, письмо В.И.Ленину написано на машинке. Слова: "...хотя бы в Эстляндию" и подпись дописаны Федором Сологубом от руки.

Не сохранилось никаких свидетельств о реакции В.И.Ленина на это письмо. Одно из бесчисленного множества, это прошение, очевидно, не было даже прочитано председателем Совнаркома..

Кострома, "Старый двор"
8 июля 1920 г.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

Во время последнего разговора с Вами была речь и о моих книгах; в продаже их нет; Вы были любезны сказать, что поговорите с Государственным издательством о ближайших возможностях. Позвольте высказать несколько пожеланий:

1. У меня есть стихи, которые при царском режиме нельзя было издать книгою, хотя некоторые из них печатались в газетах и журналах 1905—7 гг., некоторые напечатаны уже во дни революции, как напр. стихотворение “Парижские песни”, написанное в Париже весной 1914 г.; оно Вам тогда понравилось, и я посвятил его Вам. Из этих стихов наберется книга, желательно ее напечатать.

2. Желательно напечатать новое издание романа “Творимая легенда” (18, 19 и 20 т. моих сочинений в изд. Сирина), восстановив места, которые политическая цензура того времени принудила выбросить.

3. Книга рассказов: “Старый дом” и др., впечатления 1905—7 гг. Вот, что я предложил бы на первый раз.

С приветом
Федор Сологуб

Ф.395 — Госиздат. Оп.1. Д.78. Л.11—12

Публикация Ф.Федорова